

Ольга Фиву
Ана Стаур

Лечись или берись

БЫВШИИ

**Ольга Риви
Лиана Таур**

Лечись или берегись, бывший

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73988412

Лечись или берегись, бывший / Лиана Таур, Ольга Риви: Авторские; 2026

Аннотация

Бывших не бывает?

Ангелина привыкла брать огромные деньги за консультации богатых дам. Но из-за одной дурацкой жалобы её сослали отрабатывать обязательные часы в обычную городскую больницу.

В первый же день двери обшарпанного служебного лифта со скрипом разъехались, и она остолбенела. В кабине стоял Руслан – её бывший. Тот самый педантичный трудоголик с вечными синяками под глазами, который полтора года назад бросил её, заявив, что уходит делать «настоящую медицину».

– Ты?! – только и выдохнула Ангелина.

– Котова? – язвительно прищурился Руслан, окинув её уставшим взглядом. – Какими судьбами? Пришла открывать нам чакры?

Теперь они вынуждены работать под одной крышей. Они на дух друг друга не переносят, а любой их разговор тут же превращается в перепалку. Но в больнице свои правила. Сможет

ли столичная штучка привыкнуть к суровым будням, а двое бывших – не поубивать друг друга до конца дежурства?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лиа Таур, Ольга Риви
Лечись или
берегись, бывший

© Лиа Таур, 2026

© Ольга Риви, 2026

Глава 1

– Ангелина, вы меня вообще слушаете? – Элеонора промокнула глаза салфеткой. – Я же вам говорю, что Артур погас. Он перестал радоваться жизни и чахнет прямо на глазах.

– Артур – это ваш муж? – спокойно уточнила я.

Хотя я прекрасно знала ответ. Моя память стоила тридцать тысяч рублей за сеанс. Я помнила всех клиентов.

– Мой муж сейчас на Кипре по работе! – возмутилась женщина. – Артур – это мой фитнес-тренер. Я купила ему машину, а он всё равно в депрессии. Лежит на диване сутками. Говорит, что потерял связь со своим внутренним воином.

Я мысленно закатила глаза. Лицо при этом сохранило маску понимания. Работать с такими дамами было легко. Они придумывали проблемы от скуки, а я помогала их решать за деньги. Честный обмен.

– Элеонора, мы имеем дело с фрустрацией, – произнесла я. – Ваш Артур переживает кризис маскулинности. Подарив ему автомобиль, вы символически кастрировали его инициативу. Теперь он не добытчик, а растение с рулём.

Элеонора ахнула. Она испуганно прижала ладони к щекам.

– И что мне теперь делать? Как спасти наши отношения?

– Ему нужна сепарация. Отправьте его на ретрит в Тибет. Желательно на месяц. А сами займитесь проработкой лич-

ных границ. Мы начнём выстраивать их прямо сейчас.

Она быстро закивала. Клиентка была готова перевести мне очередную сумму. Я уже собиралась предложить ей курс медитаций, но внезапно зазвонил телефон.

На экране высветился номер этической комиссии. Обычно я не беру трубку во время сеансов. Но интуиция шепнула, что дело пахнет гарью.

– Простите, Элеонора. Это экстренный звонок. Мне нужно ответить.

Я поднялась с кресла и вышла в коридор. Нажала кнопку вызова.

– Ангелина Романовна Котова? – спросил голос.

– Да. Слушаю вас.

– Вас срочно вызывают в комиссию Ассоциации психологов. К нам поступила жалоба.

Я усмехнулась. Жалобы в моей сфере дело привычное. Обычно жаловались люди, которым не хватало денег на мои консультации.

– И от кого поступил донос? – спросила я.

– От Светланы Эдуардовны Зиминой. Она утверждает, что вы обманули её на полмиллиона рублей.

В голове всплыл образ дамы в леопардовом платье. Светлана Эдуардовна. Месяц назад эта разведёнка ворвалась в мой кабинет. Она со слезами требовала вернуть мужа. Муж к тому времени сбежал к массажистке. Молодой и без леопардовых пятен.

– Это абсурд, – фыркнула я. – У нас подписан договор. Я оказывала ей поддержку.

– В договоре чётко указано: «Гармонизация семейных отношений и открытие чакры верности», – зачитала женщина.

Я поморщилась. Этот пункт добавил мой пиар-менеджер. Исключительно для привлечения аудитории.

– Это просто метафора, – быстро нашлась я, включая свой ум. – Приём для визуализации результата. Работа с психосоматикой через образы.

– Светлана Эдуардовна так не считает. Она сейчас сидит в студии ток-шоу на телевидении. Угрожает подать в суд. К тому же у неё обнаружались связи в Минздраве.

В груди похолодело. Мой имидж зашатался. Ток-шоу могло потопить мой бизнес за сутки. Ситуация выходила из-под контроля.

– Так. Я замечаю у себя учащённое сердцебиение, – начала бормотать я вслух. – Это физиологический признак стрессовой реакции на угрозу потери статуса. Моя психика переходит в защитную стадию отрицания...

Я привычно анализировала собственное состояние. Это всегда помогало мне успокоиться. Сбросить панику и включить мозг.

– Что вы несёте? – возмутилась женщина в трубке. – Ждём вас в комиссии ровно через час. Решается вопрос о лишении вас лицензии за мошенничество.

Связь оборвалась. Я прислонилась спиной к стене. Ды-

шать стало труднее.

Через час я уже сидела за столом в кабинете. Напротив меня расположились три члена комиссии. У всех были лица инквизиторов.

– Ваша деятельность, Ангелина Романовна, позорит нашу профессию, – вещал председатель. – Чакра верности? Вы вообще в своём уме? Вы обещали вернуть ей мужа за пятьсот тысяч рублей!

Я сидела ровно. Ноги скрестила, спину держала прямо и не собиралась сдаваться без боя.

– Я работаю с запросом клиента. Если человеку нужен магический реализм для запуска трансформаций, я даю ему этот инструмент.

– Вы дали ей ложную надежду за деньги, – отрезала женщина слева. – Муж к ней не вернулся. Массажистка оказалась проворнее вашей психотерапии. И дешевле, к тому же.

– Светлана Эдуардовна требует извинений и суда, – продолжил председатель. – Но у нас есть альтернатива. Мы не хотим скандала в прессе. Нам шум ни к чему.

Я напряглась. Мой мозг работал на максимальных оборотах. Я быстро просчитывала варианты. Суд – это конец моей карьере. Отток клиентов, блокировка счетов, крах бизнеса. Я никак не могла этого допустить.

– Слушаю ваши предложения, – я сложила руки домиком на столе.

– Полгода социальной отработки, – председатель подо-

двинул ко мне папку. – Обычная государственная клиническая больница. Ставка психолога. Пятьсот часов общения с людьми и их реальными проблемами. Без чакр.

Я открыла папку. Городская больница номер тринадцать. Внутри всё сжалось. Название звучало как приговор. В этой больнице работал Руслан Кочетков. Мой бывший парень. Полтора года назад он бросил меня. Заявил, что мои клиентки с Рублёвки высасывают из меня мозг, а он хочет делать настоящую медицину. Теперь он там зам главного врача. И мне придётся работать под его руководством. Никаких панорамных окон. Никакого миндального молока. Только обшарпанные стены, запах хлорки, Руслан и страдания.

– Это шутка? Вы хотите засунуть меня в этот филиал ада? – не сдержала я эмоций.

– Либо так, либо отзыв лицензии и суд по статье за мошенничество. Выбирайте, Котова.

– Мне нужно пять минут на раздумья, – процедила я и вышла в коридор.

Пальцами я достала телефон. Набрала номер Сергея. Он был моим адвокатом. Сергей всегда показывал себя как сильный мужчина. Он обладал аналитическим складом ума и умел хладнокровно решать любые проблемы. Если бы я убила человека, Сергей бы сначала спрятал тело, а потом прочитал мне лекцию о законах. Настоящая каменная стена.

– Серёжа, у меня катастрофа, – зашептала я в трубку.

Я быстро обрисовала ему ситуацию. На том конце прово-

да повисла пауза. Я слышала, как он стучит по клавиатуре. Сергей не тратил время на разговоры. Он сразу начинал работать и искать выход.

– Ангелина, дело дрянь, – спокойным голосом произнёс он. – У этой мадам есть связи на самом верху. Я только что пробил её контакты по своим базам. Если пойдём в суд, я развалю часть обвинений. Смогу скостить срок или добиться условного наказания. Но лицензию и репутацию мы потеряем в процессе стопроцентно. Твои счета арестуют завтра утром.

– И что ты предлагаешь делать? – спросила я. – Должна же быть лазейка!

– Соглашайся на отработку, – твёрдо скомандовал Сергей. – Это логичный и безопасный выход. Пятьсот часов – это не пять лет колонии. Ты сохранишь свой бизнес. Я пока грамотно подготовлю почву. Сделаю всё так, чтобы через полгода к тебе не было ни одной претензии со стороны закона. Подписывай их бумаги, а остальное я беру на себя. Не паникуй, я всё решу.

Его хладнокровие и уверенность быстро привели меня в чувства. Сергей всегда умел брать ситуацию под контроль. Он гениально разложил всё по полочкам. Я облегчённо выдохнула.

– Спасибо, Серёж. Ты меня спас.

– Обращайся. Жду копию договора сегодня вечером.

Я сбросила вызов и вернулась в кабинет. Но волна паники

всё равно накрыла меня с головой. Накопленный стресс требовал выхода. Я снова начала думать вслух, не контролируя себя.

– Ваша способность к ультиматумам – это классическая компенсация, – забормотала я, глядя на членов комиссии. – Вы пытаетесь самоутвердиться за счёт востребованного специалиста. А всё потому, что ваша карьера застряла в этих стенах. Вы проецируете на меня свою нереализованность. Это скрытый комплекс неполноценности.

Лицо председателя побагровело от гнева. Женщина слева открыла рот от возмущения.

– Ещё одно слово, Котова, и мы отправим ваше дело в прокуратуру! – рявкнул председатель.

Я замолчала. Вдохнула, мне нужен воздух. Окинула взглядом их лица. Пятьсот часов можно пережить. Можно воспринимать эту ссылку как аскезу. Как эксперимент для моей будущей книги. Я напишу бестселлер о выживании в реалиях бесплатной медицины.

Я вытащила из сумочки ручку. Поставила размашистую подпись на бланке.

– Хорошо, – сказала я, поднимаясь со стула. – Я иду в вашу больницу.

– Надеюсь, там вас быстро спустят с небес на землю, – буркнула женщина.

Я поправила воротник пиджака. Вздёрнула подбородок и направилась к выходу. У самой двери я остановилась и обер-

нулась. Мой ум уже генерировал план выживания и триумфального возвращения.

– Мои небеса навсегда останутся при мне. А вот вашу больницу ждёт тотальная психотерапия, – произнесла я с улыбкой.

Глава 2

Я сидела на полу своей квартиры. Вокруг панорамные окна, вид на вечерний Питер, а внутри меня разворачивалась настоящая трагедия. Пятьсот часов отработки в государственной больнице. Эта цифра стучала в голове, отказываясь там помещаться.

Сначала пришло отрицание. Я нервно ходила по гостиной. Стучала ногтями по стеклу. Это точно розыгрыш. Наверняка мой пиарщик решил устроить агрессивный прогрев перед запуском нового курса. Сейчас распахнётся дверь, влетит съёмочная группа с камерами и закричит: «Сюрприз!» Я даже заглянула в гардеробную. Никаких операторов. Только платье.

Я схватила телефон и набрала Сергея. Мой адвокат ответил мгновенно.

– Серёжа, скажи, что это пранк, – выпалила я. – Скажи, что завтра комиссия по этике просто испарится. Мы же можем найти лазейку? Подать апелляцию? Дать кому-нибудь на лапу, в конце концов?

Голос Сергея звучал спокойно

– Ангелина, выдыхай, – произнёс он. – Никаких апелляций. Я уже поговорил с нужными людьми в Минздраве. Ситуация под контролем, но играть будем по их правилам. Твоя Светлана Эдуардовна наняла серьёзных юристов. Ес-

ли дёрнемся сейчас, то спровоцируем публичный скандал. Я уже заблокировал выход разгромного сюжета на телевидении. Пришлось поднять старые связи. Твоя репутация в прессе чиста.

Я слушала и понимала, что с адвокатом мне крупно повезло.

– Значит, больница неизбежна? – обречённо спросила я.

– Неизбежна, – отрезал Сергей. – Но я прослежу, чтобы главврач не устраивал тебе проблем. Отработаешь часы и вернёшься к своим клиентам. Считай это экстремальным повышением квалификации. Я на связи круглосуточно. Возникнут любые трудности, сразу звони. Я всё улажу.

Потом накатила гнев. Я швырнула телефон на диван. Леопардовая разведёнка! Да я эту Светлану собственным шарфом задушу! Я же слушала её нытьё часами. Тащила её из позиции жертвы, как бегемота из болота. А она накатала донос, потому что её бывший муж всё-таки ушёл к массажистке. Видимо, у массажистки чакры оказались уже. Моя эмпатия временно отключилась. Хотелось крушить мебель. Но мебель стоила слишком дорого. Поэтому я со всей дури пнула плюшевую подушку. Подушка шлёпнулась о стену. Легче не стало.

Затем начался торг. Я снова взяла смартфон. Открыла чат с председателем комиссии. Может, предложить им бартер? Я проведу десять бесплатных вебинаров для их врачей. Расскажу про выгорание. Подарю всем vip-подписку на мой за-

крытый клуб. Зачем им моё физическое присутствие в этом филиале ада? Но пальцы замерли над клавиатурой. Включился мозг. Я быстро просчитала риски. Эти чиновники не хотят моих знаний. Они хотят проучить выскочку из интернета. Бартер не прокатит.

Следом пришла депрессия. Я рухнула на ковёр и уставилась в потолок. Я там умру. Задохнусь от запаха хлорки и бедности. В этой больнице нет кулеров с чистой водой, зато есть бактерии, которые старше меня. Там люди страдают по-настоящему. Моя психика не выдержит столкновения с реальностью. Я свернулась калачиком. Стало жаль себя и отменённый отпуск на Мальдивах.

Стадия принятия наступила ближе к ночи. Нервная система истощилась. Я медленно встала, подошла к шкафу и запахнула створки. Если иду на войну, нужна броня.

– Ладно, – сказала я вслух, доставая серую ткань. – Надену старую белую блузку. Его хотя бы не жалко испачкать кровью или чем они там плюются.

Утром я поехала на разведку. Надо было оценить масштабы катастрофы. Вбила в навигатор адрес, Городская клиническая больница номер тринадцать. Звучит как место, где маньяки прячут тела.

Питер за окном был серым. Моросил противный дождь. Чем дальше я уезжала от центра, тем страшнее становились пейзажи. Глянец витрин сменился панельками.

Я припарковалась у железных кованых ворот. Вышла

из машины. Здание больницы выглядело так, будто недавно пережило осаду. Облупившаяся краска, решётки на окнах, ямы в асфальте. Изнанка жизни во всей красе.

Я натянула воротник пальто и зашла внутрь.

В нос ударил резкий запах. Термоядерная смесь хлорки и дешёвого спирта. Я поморщилась и задержала дыхание. В коридоре творился хаос. Вдоль стен сидела бесконечная очередь. Бабушки с палочками, мужики с повязками, мамы с детьми. На их лицах читалась безысходность.

Мимо с грохотом пронёсся санитар с каталкой.

– Поберегись! Дай дорогу! – рявкнул он, чуть не отдавив мне ногу.

Я испуганно вжалась в стену. Сердце заколотилось.

– Так, Ангелина, мы наблюдаем классическую стрессовую реакцию, – быстро забормотала я вслух, успокаивая себя. – Непривычная агрессивная среда вызывает выброс кортизола. Мозг ищет угрозу. Очередь пенсионеров работает как триггер социальной тревожности. Дышим квадратом. Раз, два, три, четыре...

Мимо пробежала медсестра с картами. Синяки под её глазами напоминали Марианские впадины. За ней шагал врач, раздражённо диктуя что-то в телефон. Здесь все бежали. Это был живой организм, который боролся за выживание каждый день.

Я стояла посреди коридора. Мой вид кричал, что я тут чужая. Идеальная укладка смотрелась как издёвка над их уста-

лостью. Я вдруг чётко поняла, мои знания о психологии богатых дамочек здесь не сработают. Тут не ищут внутренних творцов. Тут ищут зелёнку, бинты и стальные нервы.

Я медленно пошла вдоль стен, изучая таблички. Процедурная. Ординаторская. Мне нужен кабинет главврача, Ивана Ильича. Именно он должен подписать бумаги о начале отработки, чтобы уже завтра я начала свой рабочий день. Затягивать со своим «наказанием» мне совсем не хотелось.

У регистратуры полная женщина громко ругалась с администратором из-за пропавшей карты. Её голос срывался на визг. Администратор отвечала монотонно и равнодушно. Я мысленно поставила галочку, типичное профессиональное выгорание. Психика блокирует эмпатию, чтобы не сойти с ума.

Пока я шла, мой мозг автоматически ставил диагнозы очереди. Это неизлечимая профдеформация. Я не умею просто смотреть на людей как обыватель.

Вон мужик нервно теребит молнию куртки. Явный признак подавленной агрессии. Бабуля громко вздыхает каждые десять секунд. Демонстративное поведение, жажда внимания. Девушка грызёт ногти. Симптом повышенной тревожности.

Но мозг всё ещё отказывался верить, что эти люди мои будущие пациенты.

– Девушка, вы в очередь к терапевту крайняя будете? – окликнула меня дама с сумкой-тележкой.

– Нет, – быстро ответила я. – Я ваш новый штатный психолог.

Дама смерила меня презрительным взглядом, от макушки до ботинок.

– Психолог? – громко фыркнула она. – Лучше бы кардиолога нормального наняли. На кой чёрт ваши пустые разговоры, когда давление двести лупит! Мужика тебе надо, психолог, а не людям голову морочить.

Я молча проглотила обиду. Удар ниже пояса, но в яблочко. Моя практическая полезность в этих стенах стремительно падала к нулю.

Я подошла к стенду с расписанием приёма. Искала фамилию главврача. Глаза быстро бегали по строчкам. И вдруг взгляд намертво прилип к одной пластиковой табличке.

«Заместитель главного врача по медицинской части – Кочетков Руслан Викторович».

Я резко перестала дышать.

Кочетков Руслан Викторович. Руслан. Мой бывший парень.

Тот самый человек, который полтора года назад молча собирал чемодан в моей квартире. Тот самый, который назвал мою работу чушью для скучающих рублёвских жён. Тот самый, кто променял меня на идеалы о настоящей медицине.

Мир предательски покачнулся. Я прикрыла глаза рукой, отчаянно пытаюсь сдержать панику.

Эта отработка превратилась в изошрённую пытку. Персо-

нальное кармическое наказание за все мои гонорары с шестью нулями.

Я открыла глаза. Сжала кулаки так сильно, что ногти больно впились в ладони. Мой аналитический ум отключился. Сейчас внутри говорили только эмоции. Жгучая злость, старая обида и уязвлённое самолюбие смешались в токсичный коктейль.

Я глубоко вдохнула спёртый больничный воздух. Спина выпрямилась сама собой. Если Руслан думает, что эта убогая больница и его должность меня сломают, он очень сильно ошибается. Я выживу в этих условиях. Отработаю свои часы. И заставлю его признать, что я первоклассный специалист, а не шарлатанка из интернета.

– Ну здравствуй, Руслан, – тихо прошептала я, глядя на табличку. – Посмотрим, кто кого теперь будет лечить.

Глава 3

Мой первый рабочий день начался со звона будильника в семь утра. Я давно так рано не вставала. Обычно мой график позволял спать до десяти, а потом пить кофе с круассаном. Но жизнь изменилась. Я стояла перед зеркалом и осматривала себя.

Никакого шёлка, никаких сумок. Я надела чёрные брюки и белую блузку. Волосы стянула в стильный пучок. Я хотела слиться с толпой. Хотя моя укладка всё равно выдавала во мне человека из другого мира.

В восемь часов я уже стояла перед зданием больницы. Я толкнула входную дверь и подошла к окну регистратуры.

За стеклом сидела уставшая женщина с гнездом на голове. Она щёлкала мышкой.

– Доброе утро, – сказала я. – Я ваш новый клинический психолог. Ангелина Котова. Мне нужно к главному врачу Ивану Ильичу. У меня предписание от Минздрава.

Женщина перестала щёлкать. Она посмотрела на меня так, словно я попросила ключи от сейфа.

– Девушка, вы с луны свалились? – рявкнула она. – Иван Ильич на совещании в министерстве! Будет только после обеда. Я ничего ни про каких психологов не знаю! У меня программа висит, талоны к хирургу пропали! Следующий!

Она захлопнула окошко перед моим носом. Я моргнула.

Моя картина мира треснула. Меня никто не ждёт? Я же специалист! За мои консультации люди платят сотни тысяч рублей!

Я отошла к стене, пропуская толпу бабушек. Достала телефон. Пальцы набрали номер Сергея. Гудки шли долго. Я начала нервничать.

– Да, Ангелина, – раздался в трубке баритон моего адвоката.

– Серёжа, у меня проблема, – затараторила я. – Меня здесь никто не ждёт. Главврач уехал. В регистратуре на меня кидаются. Я просто стою посреди коридора с бумажкой. Что мне делать? Разворачиваться и уходить?

Послышался стук по клавишам.

– Успокойся, – твёрдо сказал он. – Я уже проверил график Ивана Ильича. Он на совещании до двух часов. Твои документы в порядке. Я лично проследил, чтобы секретарь получил копию приказа вчера. Тебе не нужно ни с кем ругаться.

– Но куда мне идти? – спросила я. – Не могу же я стоять тут до обеда.

– Найди свой кабинет, – посоветовал Сергей. – Обустрой рабочее место. Познакомься с обстановкой. Я держу руку на пульсе. Если возникнут заминки, я приеду и решу их за десять минут. Просто жди главврача. Ты справишься, Ангелина.

Его уверенность передалась мне. Я выдохнула. Сергей прав. Я убрала телефон в карман.

– Так, Ангелина, мы наблюдаем сбой системы, – забормотала я вслух, потирая виски. – Моя потребность в структуре сталкивается с бюрократическим хаосом. Возникает когнитивный диссонанс. Нужно снизить уровень ожиданий... Мой мозг просто сопротивляется переменам.

Я пошла по коридору. Мимо сновали пациенты в халатах и врачи. Я читала таблички на дверях: процедурная, ординаторская, подсобка. Кабинета психолога не было. Я поднялась на второй этаж. Потом на третий. Снова ничего. Моя уверенность снова начала таять.

Вдруг из-за угла вырулил мужчина в халате. Он шёл быстро и смотрел в экран телефона. На шее болтался стетоскоп. У него были взлохмаченные волосы и ухмылка на лице. Мы едва не столкнулись.

– Ой, простите, – сказала я и сделала шаг назад.

Мужчина поднял глаза. Он окинул меня цепким взглядом. Задержался на блузке, потом на пучке. Лицо выражало удивление и иронию.

– Вы потерялись, девушка? – спросил он. – Отделение пластической хирургии находится в другой клинике. Здесь мы лечим гастрит и гипертонию. Причём часто безуспешно.

Мой мозг моментально проанализировал его поведение. Передо мной стоял циник. Сарказм – это его защитный механизм. Выгорел ещё в студенчестве, а теперь компенсирует это шутками.

– Я не пациентка, – ответила я. – Я Ангелина Романовна.

Ваш новый психолог. У меня на руках предписание. Главврача нет, а я не могу найти свой кабинет. Вы не подскажете, где он?

Врач хмыкнул и сунул телефон в карман.

– Вячеслав, – представился он. – Терапевт. Значит, вы тот самый психолог, которого Иван Ильич выбивал пять лет? Надо же. Я думал, пришлют бабушку в кофте с запахом нафталина. А тут звезда инстаграма.

– Вы ответите на вопрос или продолжите упражняться в остроумии? – спросила я.

Мой характер всегда помогал ставить людей на место. Я не собиралась терпеть насмешки от терапевта.

Вячеслав сделал серьёзное лицо, но в глазах плясали бесенята.

– Психолог? А, да. Точно, – он кивнул. – Ваш кабинет в цоколе. В самом конце коридора. Спускаетесь по лестнице и идёте до упора. Дверь без таблички.

– В цоколе? – переспросила я. – Там же подвал. Кто сажает психолога в подвал?

– У нас дефицит помещений, Ангелина Романовна, – пожал плечами Вячеслав. – Главное, запомните одну вещь. Если вам предложат чай с формалином, не отказывайтесь. Это наш местный ритуал посвящения для новичков. Откажетесь, то коллектив не поймёт. Будут смотреть косо.

Он подмигнул мне и пошёл дальше по коридору. Я посмотрела ему вслед. Чай с формалином? Что за бред? Я зна-

ла, что формалин токсичен. Этот шутник явно решил поиздеваться над новенькой.

– Дешёвая манипуляция, – прошептала я. – Попытка проверить мои границы с помощью абсурдной информации. Классический тест на стрессоустойчивость.

Я развернулась и пошла искать лестницу. Ступеньки вели вниз. Света становилось меньше. Стены здесь были выкрашены в цвет больничной каши.

Я шла по коридору. Мои шаги отдавались от стен. Здесь было тихо. Никакой суеты, никаких пациентов с жалобами. Только лампочки под потолком, которые мигали, как в фильме ужасов. Мне стало не по себе.

В самом конце коридора виднелась железная дверь. Я подошла ближе. Таблички не было. Я потянула за ручку. Дверь со скрипом поддалась. Шагнув внутрь, я замерла на пороге.

В помещении было холодно. Посередине стояли столы со стоками. Вдоль стены тянулись дверцы холодильных камер. Из колонок в углу тихо играла музыка. Кажется, Вивальди.

За столом сидел мужчина в хирургическом костюме. Он был абсолютно спокоен. В его руках дымилась кружка. В воздухе запахло ромашкой.

Мужчина медленно повернул голову. У него были меланхоличные глаза и бледное лицо. Словно он редко выходил на солнце.

– Добрый день, – тихо сказал он. – Вы за результатами вскрытия? Или принесли бланки?

Мой взгляд метнулся к столам. Потом к холодильникам. Потом снова к мужчине с кружкой. В голове щёлкнул пазл. Я поняла, куда меня отправил этот клоун Вячеслав.

Я находилась в морге.

– Нет, – я сглотнула подступивший ком. Мой голос дрогнул. – Я ваш новый психолог.

Мужчина сделал глоток из кружки. Он философски посмотрел на меня, не выразив ни капли удивления.

– Я Григорий, патологоанатом, – спокойно ответил он. – Психолог в морге? Свежо, конечно. Но боюсь, моим пациентам психолог уже не поможет. У них полная апатия и отсутствие жалоб на жизнь. Да и признаков жизни тоже нет.

Глава 4

Я стояла посреди морга и смотрела на Григория. Патологоанатом невозмутимо дул на горячий чай в кружке с надписью «Лучший дед». Из радиоприёмника тихо играл Вивальди.

– Присаживайтесь, – Григорий кивнул на свободный стул. – Здесь тихо. Никто не жалуется на жизнь. И на смерть, кстати, тоже. Самые спокойные пациенты во всей больнице. И никаких очередей.

Я медленно опустилась на стул. Мозг переваривал информацию. Терапевт Слава просто поиздевался надо мной. Взял и отправил инстаграм-психолога в подвал к трупам.

– Классическое пассивно-агрессивное поведение, – произнесла я вслух. В состоянии стресса я всегда начинаю психоанализировать всё подряд. – Скрытая враждебность. Он так сбрасывает напряжение. Мой статус триггерит его собственную нереализованность. Боится сильных женщин.

– Он просто идиот, – спокойно заметил Григорий, отпивая чай. – Берите кружку. Ромашка успокаивает нервную систему. Психологу в нашем дурдоме она точно пригодится. Скоро сами начнёте с покойниками разговаривать.

Я взяла чай. Сделала глоток. Напиток оказался вкусным. В этот момент телефон коротко завибрировал. Пришло сообщение от Сергея.

«Вопрос с регистратурой решён. Я связался с нужными людьми. Вышел на Минздрав, потом на руководство. Главврач уже в курсе твоего приезда. Он бежит к тебе. Жди. Если кто-то ещё посмеет хамить – пиши».

Я улыбнулась.

Дверь морга внезапно распахнулась с грохотом. На пороге возник запыхавшийся мужчина. Его лицо покрывали красные пятна от бега. Галстук сбился набок. Он тяжело дышал, с ужасом в глазах опираясь руками о дверной косяк.

– Ангелина Романовна! – истошно завопил он, хватаясь за сердце. – Скажите мне, что вы ещё не уволились! Умоляю!

Это был Иван Ильич. Главный врач больницы. Тот самый хитрый и уставший человек, который пять лет выбивал мою ставку психолога в министерстве.

– Я пью чай, – спокойно ответила я. – Увольняться пока не планировала. Ваш патологоанатом оказался самым адекватным сотрудником в здании.

Иван Ильич схватился за голову. Он влетел в помещение и окинул взглядом металлические столы с накрытыми телами.

– В морг! – жалобно простонал он, словно его сейчас самого тут положат. – Они отправили специалиста в морг! Я просил Минздрав дать нам психолога. Я умолял их на коленях! А эти варвары бросили вас сюда!

Главврач резко развернулся и пулей выбежал обратно в коридор.

– Вячеслав! – раздался его рёв. Эхо разнеслось по подзе-

мелью. – А ну спускайся сюда! Живо! И старшую медсестру захвати! Я вам сейчас устрою! Я вас самих на эти столы положу!

Через пять минут у дверей морга собралась напуганная толпа. Я вышла из кабинета Григория. Встала, скрестив руки на груди и приготовилась наблюдать за драмой. Иван Ильич имел склонность к театральным монологам. Истероидный радикал личности во всей красе. Ему жизненно необходима была публика.

Перед главврачом стоял терапевт Вячеслав. Он переминался с ноги на ногу, но продолжал нагло ухмыляться. Ходячий генератор сарказма, который выгорел на работе ещё на третьем курсе меда.

– Полюбуйтесь на него! – Иван Ильич трагично воздел руки к потолку. – Это же деградация! К нам пришёл дипломированный специалист спасти наши души! Человек пришёл вытаскивать нас из болота выгорания и прокрастинаций! А этот шутник отправляет её пить формалин с покойниками! Слава, ты клятву Гиппократова давал или в цирковое училище поступал?

– Иван Ильич, ну я же образно, – попытался оправдаться терапевт, пряча глаза. – Это была проверка на стрессоустойчивость. Она же психолог. Должна уметь держать удар. А то сбежит после первого дежурства обратно в инстаграм.

Я сделала уверенный шаг вперёд. Мой взгляд буквально пригвоздил терапевта к стене. Я не собиралась играть роль

жертвы. Я привыкла строить клиенток с Рублёвки, а с уставшим врачом справлюсь и подавно.

– Моя стрессоустойчивость стоит дороже вашей годовой зарплаты, Вячеслав, – чеканя каждое слово, произнесла я. – Если у вас проблемы с субординацией и подавленная агрессия, то милости прошу на сеанс. Я быстро найду причину ваших детских травм и научу общаться с женщинами без дешёвых шуток. Поверьте, это будет больно, но эффективно.

Слава поперхнулся воздухом и замолчал. Его наглая ухмылка мгновенно исчезла. Я сразу чётко обозначила свои границы. Никто в больнице не смеет делать из меня посмешище.

– Bravo, Ангелина Романовна! – восхищённо выдохнул главврач. – Именно такой стержень нам и нужен! А ты, Слава, сейчас же пишешь объяснительную! Пошли вон отсюда, живо по рабочим местам!

Персонал быстро растворился в коридорах. Иван Ильич достал носовой платок и вытер лоб. Он виновато посмотрел на меня.

– Прошу прощения за спектакль, – сказал он, тяжело вздыхая. – У нас люди хорошие, но нервные. Работа такая. Пойдёмте, я покажу вам ваш личный кабинет. Вы будете в восторге. Светлое помещение, третий этаж. Я лично приказал освободить его специально для вас.

Я кивнула и пошла за ним по холодным ступеням лестницы. Мой телефон снова пискнул. Сергей прислал сообщение

с пожеланием удачи и смеющимся смайликом. Я мысленно поблагодарила его. Без его вмешательства я бы до самого вечера сидела в регистратуре и ругалась с пациентами.

Мы поднялись на третий этаж. Прошли мимо гудящей очереди. Кто-то ругался за талончики, кто-то громко кашлял. Настоящая больничная романтика. Мы свернули в узкий аппендикс коридора. Иван Ильич торжественно достал связку ключей из кармана и открыл дверь.

– Прошу! – он сделал широкий приглашающий жест рукой. – Ваша личная территория. Обитель спокойствия и душевного равновесия.

Я переступила порог и замерла. Мои иллюзии окончательно разбились о суровую реальность государственной медицины.

Это была бывшая кладовка. На стенах красовалась краска цвета глубокого уныния. В центре комнаты стоял хромой стол. Рядом приютился стул, у которого предательски не хватало одной ножки. Вместо неё кто-то подложил стопку амбулаторных карт. В углу виднелась старая раковина. В ней лежал засохший кактус в пластиковом горшке. Панорамными окнами здесь даже не пахло. Под потолком угрожающе мигала тусклая лампа.

– Ну как? – с надеждой в голосе спросил Иван Ильич. – Уютно получилось?

Я медленно повернулась к нему. Натянула на лицо дежурную улыбку. Мой острый ум уже быстро просчитал план дей-

ствий. Стул можно просто заменить. Стены закрыть плакатами. Стол отмыть с хлоркой. Главное – это наличие личного пространства. И тут есть замок на двери.

– Иван Ильич, мне нужен ровно один день, – твёрдо сказала я. – Дайте мне двадцать четыре часа. Я приведу помещение в порядок и адаптирую его под психологические консультации.

– Конечно! – искренне обрадовался он. – Обустраивайтесь! Завтра жду вас на утренней планёрке. Представлю коллективу официально. А то Руслан Викторович, мой заместитель по медицинской части, был скептически настроен по поводу должности психолога в штате. Считает психологов шарлатанами.

От упоминания имени Руслана по спине пробежал холодок.

Он точно не обрадуется встрече. Нас явно ждала битва умов. Но я не привыкла отступать перед трудностями. Я докажу этому выскочке, что моя работа спасает жизни. Даже если для этого придётся вылечить половину этой чокнутой больницы.

Главврач суетливо попрощался и убежал. Он оставил меня одну в кладовке. Я закрыла скрипучую дверь. Подошла к старой раковине. Осторожно дотронулась пальцем до колючек высохшего растения.

– Ничего страшного, – произнесла я вслух. – Моя терапия в этой больнице начнётся со спасения этого несчастного

кактуса.

Глава 5

Я стояла посреди кабинета и чихала. Пыль тут не просто летала, она исполняла вальс, оседая на моих чёрных брюках. План преображения рушился на глазах. Мне срочно требовались тряпки, вёдра и чистящие средства. Я достала телефон и набрала номер Сергея. Мой адвокат всегда решал проблемы быстро.

– Серёжа, спасай, мне нужен клининг, – сказала я в трубку. – Тут такой слой грязи, что под ним наверняка можно найти пропавших без вести пациентов.

– Ангелина, я всё предусмотрел ещё час назад, – раздался в динамике спокойный голос Сергея. – Я детально изучил санитарные нормы государственных больниц. Клининг туда не пустят без пропусков, а оформлять их долго. Поэтому я уже заказал курьера. Тебе через десять минут привезут коробку. В ней моющие средства, перчатки, швабра и инвентарь. Я оплатил доставку эргономичного кресла, чтобы твоя спина не страдала. Его привезут завтра утром. Так что занимайся кабинетом, а организационные вопросы смело оставь мне.

Я улыбнулась. Какой же он молодец. Идеальный мужчина – это тот, кто решает проблемы до того, как ты успеешь впасть в истерику.

Через десять минут в дверях возник курьер с коробкой. Я расписалась в накладной. Внутри оказалось всё необходи-

мое: губки, щётки, новенькая швабра и бутылки с химией. Я вздохнула. Сменила блузку на старую футболку, которую захватила из дома. Затем натянула резиновые перчатки. Мой свежий маникюр оказался под защитой розового латекса. Я открыла бутылку с Доместосом, подошла к раковине, включила воду и начала яростно оттирать налёт.

– Моя потребность в чистоте – это базовая попытка вернуть контроль над ситуацией, – бормотала я себе под нос, наваливаясь на губку. – Внешний хаос провоцирует внутреннюю тревогу. Уничтожая микробов, я символически уничтожаю страхи перед новой работой. Моя психика сейчас адаптируется через рутину...

Ржавчина поддавалась с трудом. Я тёрла металл, словно от этого зависела моя жизнь. Внезапно дверь скрипнула. На пороге возник тот самый терапевт Вячеслав. Он переминался с ноги на ногу. Его халат был расстёгнут, а в руках он нервно вертел стетоскоп.

– Ангелина Романовна, я пришёл с повинной, – выдавил он из себя.

Я медленно выпрямилась. В одной руке я держала губку, с которой капала вода, а в другой бутылку средства. Я моментально оценила позу коллеги: напряжённые плечи, бегающий взгляд, неловкие движения.

– Иван Ильич пригрозил лишить вас премии? – прямо спросила я.

Слава тяжело вздохнул и кивнул.

– Именно так. Сказал, что снимет надбавку за интенсивность, если я перед вами не извинюсь. Так что простите меня за шутку про морг. Она вышла неудачной. И немного черноватой.

Я положила губку на край раковины и скрестила руки на груди. Розовые перчатки скрипнули.

– Вячеслав, а вы в курсе, что ваш юмор – это защитная реакция на угрозу со стороны внешнего мира? – прищурилась я.

Он усмехнулся. Терапевт с интересом окинул взглядом мою укладку, футболку, розовые перчатки и ведро.

– А ваша насмешка, Ангелина, защитная реакция на то, что вы сейчас драите пол с Доместосом? – парировал он.

Его ответ мне понравился. Слава не стушевался. В нём был стержень. Мы стояли и смотрели друг на друга. В воздухе висело напряжение, но оно уже не было враждебным. Это было признание двух равных противников.

– Допустим, – хмыкнула я. – Извинения приняты. Но одними словами вы не отделаетесь. Раз уж вы здесь, будете отрабатывать карму физическим трудом.

Слава округлил глаза.

– В смысле? Я врач, а не грузчик.

– Вы мужчина, а я женщина, – напомнила я. – Видите этот кошмар в углу?

Я указала пальцем на деревянный шкаф. Он стоял криво. Дверца висела на одной петле, а внутри лежали старые блан-

ки и пыль.

– Его нужно вынести на помойку, – скомандовала я. – Он портит мне атмосферу и давит на психику.

Терапевт подошёл к шкафу и постучал по нему костяшками пальцев. Дерево отозвалось глухим звуком.

– Да это советский монолит, – присвистнул Слава. – Он весит тонну. Мы вдвоём его не поднимем. Тут бригада нужна.

– Вы недооцениваете силу мотивации, – отрезала я. – Беритесь за тот край, а я за этот.

Мы ухватились за деревянные бока. Шкаф оказался невероятно тяжёлым. Слава напрягся, его лицо покраснело. Я тоже приложила максимум усилий. С жутким скрипом мы оторвали этого монстра от пола и сделали первый шаг к двери.

– Левее бери! – скомандовал Слава. – Сейчас косяк несём!

– Я всё контролирую! – огрызнулась я, чувствуя, как по спине стекает пот. – Не тяните на себя, у меня центр тяжести смещается!

Мы вывалились со шкафом в коридор. Пациенты в очереди с удивлением уставились на нас. Картина была эпичной. Столичный психолог в розовых перчатках и растрёпанный терапевт тащили рухлядь по коридору больницы.

– Дорогу! – крикнул Слава. – Психологическая помощь идёт на вынос! Осторожно, шкаф может укусить!

Я не выдержала и прыснула со смеху. Бабушки на скамей-

ках крестились. Мы дотащили этот гроб до заднего двора. С грохотом бросили его возле мусорных контейнеров. Я стянула перчатки. Мои руки дрожали от напряжения. Слава тяжело дышал и вытирал пот со лба рукавом халата.

– Ну вы и зверь, Ангелина Романовна, – выдохнул он. – С вами на разборки ходить можно. Любого порвёте.

– Спасибо за помощь, – улыбнулась я. – Ваша премия спасена. И моя психика тоже.

Мы медленно пошли обратно в здание. Воздух на улице был свежим. Я чувствовала странную лёгкость.

– Знаете, а вы не такая фифа, как я подумал вначале, – признался Слава. – Вы нормальная. Просто с заскоками.

– Мои заскоки стоят дорого, – парировала я. – Но для коллег могу сделать скидку на диагностику. У вас явно выраженный синдром спасателя. Вы шутите, чтобы не сойти с ума от чужой боли.

Слава остановился. Он посмотрел на меня серьёзно. Без привычной ухмылки.

– А вы проницательны, – тихо сказал он. – Руслан Викторович был неправ на счёт психологов.

При упоминании имени Руслана моё сердце сжалось. Я моментально подобралась.

– Что он вам говорил? – напряжённо спросила я.

– На утренней пятиминутке сказал, что нам пришлют какую-нибудь девочку-припевочку, которая продержится тут максимум неделю.

Во мне вспыхнула ярость. Руслан всё так же высокомерен. Он ещё не знает, что эта девочка-припевочка – я.

– Передайте Руслану Викторовичу, что никуда не уйду, и я не девочка с щенячьим восторгом, а высококвалифицированный специалист, – холодно произнесла я.

Слава одобрительно кивнул.

– Начало мне нравится. Добро пожаловать в ад, Ангелина.

Мы зашли в здание. Наша странная дружба только началась. Она строилась на взаимном сарказме и чёрном юморе, что не могло не радовать. Я вернулась в свою кладовку. Снова надела розовые перчатки.

Теперь я точно знала свою цель. Я не просто отработаю часы, а наведу здесь свои порядки и докажу этому заносчивому заму, что я лучший специалист. И он ещё пожалеет о каждом своём слове.

Глава 6

Мой кабинет наконец-то блеснул. Кактус в раковине попил воды и перестал выглядеть грустным. Я сидела в новом кресле, Серёжа подарил, чтобы мне было удобно работать, и листала медицинскую карту моего первого больничного пациента.

Денис Смирнов, пятнадцать лет, травматология. Сложный перелом ноги. Прыгал по гаражам с пацанами во дворе и неудачно приземлился. Теперь ему нужна вторая операция, чтобы поставить пластину, но парень упёрся и ни в какую не соглашается лечь на стол.

В карточке лежал помятый листок. Это жалоба от старшей медсестры. Там кривым почерком было написано, что Денис хамит персоналу, кидается котлетами в стену и притворяется, что задыхается, как только видит белые халаты. Врачи быстро решили, что он просто наглый подросток, по которому плачет ремень.

Но мне нужны были детали. Мой мозг привык всё анализировать, ведь без понимания всей картины я работать не начинаю. Я достала телефон и набрала номер Серёжи.

– Серёж, спасай ситуацию, – выпалила я, как только он взял трубку. – У меня тут пациент. Подросток, Денис Смирнов. Пятнадцать лет. Можешь пробить по своим каналам, что там у него с семьёй творится?

На фоне застучали клавиши клавиатуры. Серёжа никогда не задавал тупых вопросов и не тратил время впустую. Он всегда просто брал и делал.

– Дай мне минутку, – ответил он. – Так, смотрим. Смирновы. Родители развелись три года назад. Отец свалил в другой город и платит копейки. Мать работает бухгалтером с утра до ночи, поэтому денег в семье мало. Парнем никто не занимается, он полностью предоставлен сам себе.

– Ясно, – кивнула я, делая глоток капучино на миндальном молоке. – Типичная история. Не хватает внимания, вот он и привлекает его как может. Даже ноги себе ломает ради этого.

– Ты там поаккуратнее с ним общайся, Ангелина, – посоветовал Серёжа. – Такие подростки злые. Если его матери нужна будет помощь с юристами из-за алиментов – скажи мне. Я всё устрою.

– Спасибо. Ты мой герой.

Я положила телефон на стол. Серёжа снова всё разрулил. Теперь я чётко понимала, с чем имею дело. Я поправила свою белую блузку, встала с кресла и пошла в хирургию.

В коридоре хирургии я оказалась быстро. Возле поста стояла медсестра и тёрла лоб. Вид у неё был очень уставший.

– Вы к Смирнову идёте? – спросила она, заметив мой бейдж. – Ну-ну, удачи вам. Он недавно практикантку довёл до истерики. Заявил девчонке, что если она ещё раз не попадёт иглой в вену, то он заставит её платить кредит за свой

гроб.

– Креативный мальчик, – усмехнулась я.

Я открыла дверь палаты. Денис лежал там один. На кровати сидел худой пацан с тёмными кругами под глазами. На его ноге висела железная конструкция со спицами. Аппарат Илизарова, и выглядело это жутковато.

Парень листал ленту в телефоне. Увидев меня, он поднял глаза. Осмотрел мой деловой образ и укладку.

– Ого, вип-услуги приехали, – усмехнулся он. – А где рабы с веерами? Тётенька, вы дверью ошиблись. Спа-салон не здесь. Тут бесплатная больница.

Голос у него был резкий. Но я хорошо знала свою работу. Я подошла поближе, села на стул и закинула ногу на ногу. Решила начать с метода, который безотказно работал на моих богатеньких клиентках.

– Денис, я чувствую твою злость, – мягким голосом начала я. – Это нормальная реакция. У тебя травма. Давай попробуем поискать твой ресурс. Поговорим про твоего внутреннего ребёнка. Что он хочет нам сказать сейчас?

Денис заржал. Он кинул телефон на тумбочку и посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– Мой внутренний ребёнок сейчас хочет отрезать себе ногу пилой, – выдал он. – А ещё он думает, что вы перечитали цитат в интернете. У вас там чакры не чешутся от такой ерунды?

Я несколько раз моргнула. Моя элитная психология раз-

билась о реальность.

– Мы тут не про чакры говорим, – ровно сказала я. – Ты просто боишься операции. И злишься на всех вокруг, чтобы хоть как-то управлять ситуацией.

Тут Денис резко схватился за горло. Вытаращил глаза. Начал хрипеть.

– Воздух... – засипел он. – Задыхаюсь... Ваш бред... он меня убивает...

Он закатил глаза и упал на подушку. Я даже бровью не повела. Внимательно посмотрела на него, замечая все детали: губы у него розовые, а не синие, и дышит он абсолютно ровно. Парень точно притворяется.

– Денис, кислорода тебе хватает, – вздохнула я. – А вот актёр из тебя так себе. Если хочешь показать удушье, нужно напрягать шею. А ты просто рот открываешь, как карась на берегу.

Денис перестал хрипеть. Он сел обратно и зло посмотрел на меня.

– Какая вы скучная, – буркнул он. – В школе наша психологичка вокруг меня бегала с пакетом. Думала, я умираю от панической атаки.

– Я тебе не школьная психологичка, – отрезала я. – Так что давай говорить по делу. Чего ты отказываешься от операции?

Денис снова нахохлился, как ёж.

– А зачем она мне? – крикнул он. – Хирург сказал, что

кость криво срослась, поэтому будут снова её ломать и железо в ногу пихать. А вдруг я потом хромать буду на всю жизнь? Кому я такой нужен? Пусть лучше нога отвалится. Стану пиратом, куплю попугая и буду пугать детей в парке. Это всяко лучше.

– Ну да, пират с костылём – это предел мечтаний, – парировала я. – Только деревянные ноги нынче не в моде. Придётся пластиковую заказывать.

– Да хоть пластиковую! – огрызнулся он. – Зато в школу ходить не надо будет!

Он шутил, но я ясно видела, что ему страшно. И тут меня накрыло. Когда я нервничаю, то начинаю болтать свои мысли вслух, и ничего не могу с этой привычкой поделать.

– Так, Ангелина, что мы тут имеем, – быстро забормотала я, уставившись в стену. – Классическое вытеснение. Объект юморит, чтобы скрыть панику. Страх стать инвалидом отключает мозг. Он боится боли, поэтому строит из себя бунтаря. Агрессия работает как защита от слабости. Он боится, что его бросят...

Денис слушал мою тираду с отвисшей челюстью. Его ухмылка тут же пропала с лица.

– Эй, вы чё там несёте? – испуганно спросил он. – Вы меня сейчас проклинаете, что ли?

Я встряхнула головой. Так, соберись, Котова, с этим парнем надо говорить прямо и жёстко. Никаких сюсюканий.

– Я ставлю тебе диагноз, Денис, – громко сказала я. – Ни-

какой ты не пират. Ты просто трус.

Лицо подростка покраснело, и он сжал кулаки.

– Я не трус! – заорал он на всю палату. – Я с крыши третьего гаража сиганул! Никто из наших пацанов не смог, а я смог!

– Прыгнуть в кусты это тупость, – хмыкнула я. – А вот лечь на стол, чтобы тебе заново сломали ногу, вот это уже требует смелости. А ты ведёшь себя как детсадовец. Обижаешь медсестёр, потому что они сдачи не дадут. Иди хирургу со скальпелем нахами, слабо? Ах да, ты же не можешь ходить. Очень жаль..

Денис замолчал. Он тяжело дышал и смотрел на меня исподлобья. Я смотрела в ответ, не моргая. В этой битве взглядов я была сильнее. Я и не таких клиентов уламывала на консультациях.

– Если не сделаешь операцию, останешься хромым, – продолжила я спокойным тоном. – Забудешь про футбол. Будешь носить ортопедические ботинки. Зато с попугаем на плече. Твоя мама на двух работах горбатится, чтобы тебе фрукты сюда носить, а ты устраиваешь тут цирк.

При упоминании мамы Денис сразу сдулся и опустил глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.